

УДК 811.111

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Прозорова¹, О.А. Крапивкина²

Иркутский государственный технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Рассматривается проблема языковой репрезентации субъекта в научном дискурсе. Делается попытка определения факторов, детерминирующих выбор авторами средств самопозиционирования. Выявляются эксплицитные и имплицитные языковые средства выражения говорящего.

Ключевые слова: дискурс; жанр; субъект; деперсонализация; репрезентация.

LANGUAGE MEANS OF SUBJECT'S REPRESENTATION IN SCIENTIFIC DISCOURSE

N.Prozorova, O.Krapivkina

Irkutsk State Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

This article addresses to the issue of the subject's language representation in scientific discourse. The authors attempt to analyze diachronically the factors determining the authorial choice of language means for self-positioning in discourse. Explicit and implicit language means of speaker's expression are identified.

Key words: discourse; genre; subject; depersonalization; representation.

Субъект как автор дискурса находит в нем эксплицитное или имплицитное выражение посредством языковых единиц разных уровней. Как заметил М. Фуко, текст всегда несет в себе какое-то число знаков, отсылающих к автору [8, с. 12–41].

Однако в научном дискурсе постоянно декларируется, что истина добывается путем собирания фактов, их объективного и беспристрастного анализа, поэтому авторы научных публикаций стремятся представить свои результаты очищенными от всего субъективного. Подчеркивая свою беспристрастность и объективность, ученые, как правило, акцентируют внимание читателя на действии и объекте действия, ставя на задний план своё авторское «я» [4]. Таким образом, конвенции научного сообщества заставляют автора «прятать» свое «я» за объективными формулировками.

Целью настоящей статьи является рассмотрение тех лингвистических приемов, которые позволяют авторам научных текстов достигать диаметрально противоположных прагматических эффектов – от субъективации дискурса до его деперсонализации.

Прототипическим маркером представления субъекта дискурса выступает личное местоимение 1-го лица единственного я, *I*. Среди языковых средств, наиболее приближенных к прототипу, можно выделить притяжательные местоимения 1-го лица единственного числа: *мой, моя, мое, мои, ту* и морфологические средства – личные окончания русского глагола 1-го лица единственного числа (*рассматриваю, анализирую, исследую* и др.) в русском языке.

Следует отметить, что под прототипическим субъектом мы, вслед за Л. М. Ковалевой, понимаем субъект в 1-м лице единственного числа [7, с. 68]: субъекты «в остальных формах лица и числа допускают в определенных случаях *деперсонализацию высказывания*» [3, с. 13–15]. Рассмотрим примеры:

In this article, I use the term "scenario" ...

As I see it, lying and deceiving represent two kinds of falsehood.

I treat deception as a phenomenon belonging to the class of phenomena defined by the general notion of insincerity.

¹Прозорова Наталья Александровна, студентка 3-го курса института авиационного машиностроения, e-mail: practicum2013@mail.com

Prozorova Natalia, a third-year student of Air and Machine Building Institute, e-mail: practicum2013@mail.com

² Крапивкина Ольга Александровна, доцент кафедры иностранных языков № 2 (для технических специальностей) e-mail: koa1504@mail.ru

Krapivkina Olga, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department № 2, e-mail: koa1504@mail.ru

В приведенных высказываниях авторы не скрываются за обезличенными конструкциями, позволяющими избежать субъективности позиции, а сигнализируют, что сказанное имеет для них статус субъективной истины. Придавать высказываниям субъективный смысл помогают и модусные предикаты (*see, treat*), употребляя которые субъект позиционирует себя как мыслящего, сомневающегося, волевого индивида. Эти предикаты придают последующему утверждению определенный субъективный контекст – сомнение, предположение, заключение, – который характеризует отношение субъекта к пропозиции. Это проявление субъективности, как отмечает Э. Бенвенист, обнаруживается только в первом лице [2, с. 298].

По степени сходства с прототипом атипичные средства репрезентации субъекта можно подразделить на две основные группы:

1) средства, приближенные к прототипу:

- личное местоимение 1-го лица множественного числа *мы, we*;

- вариативные формы *мы*-парадигмы: *нам, наш, нас* в русском, *us, our* - в английском языке;

- личные окончания русского глагола в 1-м лице множественного числа *полагаем, видим, начнем*;

2) средства, удаленные от прототипа:

- номинативная единица *автор*;

- неопределенно-личные, безличные и бессубъектные пассивные конструкции.

Субъект, выраженный местоимениями *мы, we* является, по словам Л. М. Ковалевой, атипичным [7, с. 68–72] в силу того, что «множественная природа» местоимения *мы, we* уже предполагает некоторую размытость границ индивида [3, с. 13–15]. Приведем примеры:

Мы полагаем, что подобный анализ ситуации является едва ли не единственно возможным.

Further on, we would like to focus our attention on one more technology ...

Перед нами так называемое «авторское *мы*», которое, по словам И. В. Арнольд, является в научных трудах более предпочтительным, чем местоимение 1-го лица единственного числа [1, с. 116–117]. Исследователь полагает, что первое лицо единственного числа (*Я старался проследить...; Мне представляется возможным...*) уместно в трудах ученых, чей авторитет уже прочно установлен. Начинающим авторам в письменном тексте лучше избегать подобных эгоцентрических построений [1].

В современной англоязычной научной литературе авторское *we* используется реже, чем в русскоязычных исследованиях. Это связано, вероятно, с тем, что общий стиль научного изложения в работах европейских и американских исследователей свободнее, чем в трудах российских авторов. Согласно проведенному нами анализу 20 статей на русском и английском языках, общее количество местоимений 1-го лица единственного числа в англоязычных трудах составило 49, в то время как в статьях на русском языке нами не было зафиксировано ни одного случая употребления данного местоимения.

В научном дискурсе можно выделить несколько моделей употребления местоимений *мы, we*: *мы = я; мы = я + вы; мы = я + я; мы = я + он(и); мы = я + вы + они*.

Первая модель – это употребление местоимения *мы* для обозначения одного субъекта (*мы = я*). *Мы* выступает здесь как прием сокрытия «Я» субъекта в целях придания высказыванию свойства объективности и беспристрастности. Приведем примеры:

Мы полагаем, что подобный анализ ситуации является едва ли не единственно возможным.

We consider political cartoons as one of the linguistic technologies as well.

Употребление местоимения 1-го лица множественного числа для саморепрезентации позволяет авторам устранить субъективный тон высказывания. Очевидно, что при обращении к местоимениям *мы, we* авторы статьи стремятся представить свое мнение как мнение определенной группы людей, научной школы, научного направления и таким образом повысить значимость своей работы в глазах читателя.

Следующая модель – это употребление местоимения 1-го лица множественного числа для обозначения нескольких субъектов (*мы = я + я*). Данная модель типична для статей, написанных в соавторстве:

Мы полагаем, что подобный анализ ситуации является едва ли не единственно возможным.

First, **we** explore the linguistic realizations and functions of hedges in Chinese research articles.

Третья модель – это так называемое инклюзивное *мы*, употребляемое для обозначения автора и его читателей (*мы* = автор + читатель):

If we return to the above-given definition of insincerity as a false belief which one agent induces in the other agent ...

*Однако главное, что выиграли все **мы**, получив возможность читать такие разные и такие замечательные переводы «Гамлета».*

В данных примерах местоимения *we, мы* указывают на коллективного субъекта. Автор употребляет местоимение 1-го лица множественного числа для интимизации с читателем, включения его в ход дискуссии с целью привлечения внимания к обсуждаемым в статье проблемам.

Далее отметим, что субъект репрезентируется в дискурсе и различными вариативными формами *мы, we* – конструкциями с личными и притяжательными местоимениями в разных формах рода и падежа: *нас, нам, нами, наш(а)* в русском языке; *us, our* в английском:

*Choi KyuSoo`s analyze show to **us** that Ju Si-kyeong studied the Korean language from syntax.*

*Let **us** consider the first example.*

*С 2005 по 2012 г. **нами** были проведены научные исследования по изучению повреждаемости клубней картофеля.*

*На следующем этапе **нами** исследован жирнокислотный состав в экстрактах образцов *V. bifidum* 83, и *V. longum* В 379 М, культивированных в среде, содержащей 1,5 % жира нерпы.*

Данные формально бессубъектные конструкции позволяют отойти от использования авторского «я», создать тон объективности и беспристрастности изложения.

К номинативным единицам репрезентации субъекта относятся референтно-размытые имена. В научных статьях такой единицей является «автор», которая указывает на статус лица, а не на его личность. Приведем пример:

*По мнению **авторов**, в организме человека компенсаторно может происходить синтез эссенциальных жирных кислот, являющихся источником биологически активных веществ, в частности, в семействе ω -9 кислот таковой является С20:3-дигомо- γ -линоленовая кислота.*

*Цель работы, проведенной **автором**, состояла в изучении и обосновании процесса структурообразования КМС.*

*The **author** has chosen these combinations of words not accidentally.*

Перейдем к рассмотрению сегмента дальних по удаленности от прототипа средств репрезентации субъекта научного дискурса. В английском языке мы отнесли к ним неопределенно-субъектные конструкции с местоимением *it* и *one* в функции формального подлежащего:

*It seems that every user who has a story that may touch the hearts of bloggers can rely on their help. **One** can find them on the editorial pages of any daily newspaper.*

В приведенных высказываниях местоимения *one, it*, имплицитные субъекта, создают эффект референциальной неопределенности, реализуют интенцию спрятаться за неопределенным словом, имеющим симулякризованный характер в силу размытости границ означаемого. Собственная позиция субъекта обобщается и проецируется на любого индивида. Во втором примере референтом является говорящий, но «грамматическая конструкция позволяет распространить его точку зрения на неопределенное множество лиц» [5, с. 558].

В русском дискурсе неопределенно-субъектные конструкции можно классифицировать следующим образом:

- неопределенно-субъектные конструкции с субъектом в дательном падеже (*нам представляется*):

*В этом отношении **нам представляется** бесспорным, что*

- неопределенно-субъектные конструкции с причастным или именным безличным предикатом и инфинитивом (*необходимо допустить, необходимо указать*):

Целесообразно отметить, что корпус частеречного аппарата имел во всех его интерпретациях зримые универсальные характеристики.

- неопределенно-субъектные конструкции с глагольным или именным безличным предикатом и отрицанием (*нельзя не отметить*).

Нельзя не отметить, что он не всегда согласуется с принципиальными установками законодательства о выборах.

Конструкции с неопределенно-личными местоимениями (*one, they*) – местоимениями общего лица, по О. Есперсену [6], – имеют расплывчатую семантику и расположены еще более дистантно по отношению к субъекту.

К атипическим средствам репрезентации субъекта относятся и пассивные конструкции, которые позволяют отойти от использования авторского «я», создать тон объективности и беспристрастности изложения. Приведем примеры:

Connectives are classified under three forms.

The results of the above analysis can be summarized in Table 2.

Выбор именно этих сайтов для наблюдения и анализа обусловлен следующими причинами.

В результате анализа полученные данные были преобразованы в графики зависимостей напряжения сдвига и эффективной вязкости от градиента скорости деформации при различных температурах.

Пассивные конструкции являются самым распространенным методом имперсонализации научного языка.

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить ряд основных лингвистических приемов, помогающих субъекту научного дискурса не только эксплицировать себя (личные местоимения первого лица и вариативные формы, входящие в я-парадигму), но и «обезличивая» дискурс, скрываться за определенными языковыми конструкциями и средствами, создавая тон объективности и видимость беспристрастности (личное местоимение *мы*, *we* и вариативные формы, входящие в *мы*-парадигму; номинативные единицы, указывающие на статус лица; неопределенно-личные и пассивные конструкции).

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. – М. : Высш. шк., 1991. – 140 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
3. Бодягина О. Л. Полифакторный подход к выбору актанта на роль подлежащего (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – 207 с.
4. Болдырева А. А. Особенности выражения авторского «я» в научном дискурсе (на материале английских и русских письменных текстов) [Электронный ресурс]. – URL: <http://tp11999.narod.ru/WEBLSE002/BOLDYREVAKASHKTNLSE2002.htm> (дата обращения: 23.03.2009).
5. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). – М.: Языки славянской культуры, 2002.
6. Есперсен, О. Философия грамматики. – М. : Изд-во Едиториал УРСС, 2004. – 408 с.
7. Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. – 397 с.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М. : Касталь, 1996.